

RU

Специфика воплощения «вампирической» темы в русской новеллистике начала XX века («Наяву или во сне» И. Головина)

Миронов Н. М.

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики репрезентации образа вампира в одном из наиболее примечательных образцов отечественной малой прозы Серебряного века. Научная новизна состоит в том, что впервые выявляется специфика рассказа И. Головина «Наяву или во сне», в котором обнаруживаются черты как святочного (рождественского), так и готического рассказа. Цель работы – определить особенности конструирования «вампирической» темы в отечественной литературе на материале рассказа «Наяву или во сне» И. Головина. В результате исследования, во-первых, выявлены основные черты репрезентации женского образа вампира, в создании которого писатель опирался на западноевропейский канон (образы вампиров Т. Готье и Ш. ле Фаню): откровенный эротизм; закрытость психологического портрета – посредством обмана и соблазнения вампир добивается смерти «предавшего» его рассказчика. Во-вторых, установлено, что значимую функциональную роль в изображении героини играет цветовая символика, воплощенная в сочетании синего и зеленого цветов: синий, подчеркивающий ее внешний облик как безопасный, не представляющий, на первый взгляд, угрозу, соотносящийся с миром живых, и зеленый – характеризующий ее как натуру, мертвую по своей сути, но пользующуюся хитростью для совращения и удовлетворения жажды крови.

EN

The specifics of the embodiment of the “vampire” theme in Russian short stories of the early 20th century (“In Reality or in a Dream” by I. Golovin)

N. M. Mironov

Abstract. The paper analyzes the specific representation of the vampire image in one of the most notable examples of Russian Silver Age short prose. The scientific novelty lies in the fact that the specifics of I. Golovin's story, “In Reality or in a Dream”, are revealed for the first time, exhibiting features of both a Svyatochny (Yuletide/Christmas) story and a Gothic tale. The aim of the work is to determine the features of constructing the “vampire” theme in Russian literature based on I. Golovin's story “In Reality or in a Dream”. As a result of the research, firstly, the main features of the representation of the female vampire image were identified. In the creation of this image the writer relied on the Western European canon (vampire images by Théophile Gautier and Sheridan Le Fanu). The said features include overt eroticism; the closed nature of the psychological portrait – through deceit and seduction the vampire achieves the death of the narrator who “betrayed” her. Secondly, it was established that color symbolism, embodied in the combination of blue and green, plays a significant functional role in the depiction of the heroine. Blue emphasizes her external appearance as safe, seemingly non-threatening, and associated with the world of the living, while green characterizes her as inherently dead, but using cunning to corrupt and satisfy her thirst for blood.

Введение

Образ вампира, получивший новый виток развития на рубеже XX-XXI вв. как в визуальном, так и в литературном воплощении, претерпел значительные изменения по сравнению со своим первоисточником. Современная массовая литература продолжает активно эксплуатировать одно из самых известных воплощений вампира – образ Дракулы из одноименного кинофильма Ф. Копполы: от «Интервью с вампиром» Энн Райс до «Вампиров» Джонатана Стюки и многочисленных произведений в жанре фэнтези (циклы «Дозоры» С. Лукьяненко, «Жажда»

Т. Вульф) и любовного романа (циклы «Анита Блейк» Л. Гамильтон, «Вселенная Ночной Охотницы» Д. Фрост и др.). Справедливым представляется утверждение исследователей о существовании особой вампирской топики и парадигмы (Антонов, 2007), в рамках которой вампир не только становится существом, противостоящим человеку с точки зрения устоявшей нравственности, выступая в качестве «другого», но и создает собственные политические и общественные конструкты (Бережной, 2002), подвергает человечество ранее неизвестной угрозе. Таким образом, актуальность настоящей статьи объясняется значимостью изучения «вампирской» темы в контексте культуры конца XX – начала XXI века. Образы и мотивы, связанные с «вампирской» тематикой, постоянно фигурируют в культурно-философском поле современности и, разумеется, требуют детального научного анализа. При этом особую значимость обретает выяснение основных путей формирования образа вампира в отечественной литературе начала XX в., поскольку, как верно указывают исследователи готической традиции, именно смена общественной, а вместе с ней и культурной парадигмы способствовала широкому обращению к образам мистического и инфернального характера на фоне происходящих общественно-политических катастроф и катаклизмов обозначенного периода (Танасейчук, 2024). Кроме того, выбранный для анализа рассказ И. Головина «Наяву или во сне» характеризуется самим автором как «Святочный рассказ», продолжающий традицию от рождественских рассказов Ч. Диккенса вплоть до настоящего времени и активно развивающийся в современной отечественной литературе (достаточно вспомнить, к примеру, опубликованную в 2024 году антологию «Сказки Нового года»).

Задачами настоящего исследования выступают: во-первых, определение сущностных черт образа вампира, как заимствованных из западноевропейской литературы, так и оригинально-авторских; во-вторых, описание цветовой палитры, благодаря которой происходит «узнавание» главного антигероя, выявление его функциональной роли в художественном произведении.

Методологической основой исследования стали сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить новеллу И. Головина с «вампирскими» произведениями отечественной словесности XIX–XX вв.; метод целостного анализа, благодаря которому рассказ И. Головина «Наяву или во сне» воспринимается как единое художественное целое, где персонажная система неразрывно связана с мотивной структурой и прослеживается традиция репрезентации «вампирской» темы в западноевропейской и отечественной словесности XIX–XX вв.

Материалом статьи послужил рассказ И. Головина «Наяву или во сне», включенный во второй том сборника «Вампирской» новеллистики «Красногубая гостья: Русская вампирическая проза XIX – первой половины XX в.» (2018).

Напомним, что в литературоведческой практике обращение к образу вампира строится в основном на выявлении его сущностных черт в рамках прозы западноевропейских и американских авторов (Замыслова, Егорова, 2022; Ковальская, 2021; Фрейлинг, 2024; Цымбурский, 1990). Тем не менее в последнее время обнаруживается все большее число работ, в которых выявляются генетические истоки образа вампира в русской литературе (Бон, 2020; Долгих, 2012; Морозова, 2013; Одесский, 2010; Павлова, 2018; Рябов, 2024; Сафрон, 2018), при этом доказываемая тесная связь с западноевропейскими образцами (Вдовин, 2024; Никольский, 2016), а сам антигерой продолжает свое «наступление» в произведениях самых разных жанрах современной массовой литературы (Мионов, 2024; Осьмухина, 2016; Сазонова, 2013). Теоретической базой исследования стали, в первую очередь, работы М. Одесского (2010; 2015), в которых определяются основные художественные признаки образа вампира, статьи Ф. Морозовой (2013), Е. Никольского (2016), А. Площука (2014), в которых на обширном литературном материале проводится сопоставление образов западноевропейских и русских вампиров, а также посвященные истории цвета концептуальные монографии М. Пастуро (2017; 2020).

Практическая значимость настоящего исследования определяется расширением отечественного «готического» литературного пространства, углубленным пониманием художественных особенностей воплощения «вампирской» темы в прозе Серебряного века и может быть использовано в рамках преподавания спецкурсов и историко-литературных дисциплин.

Обсуждение и результаты

Своеобразие воплощения «вампирской» темы в рассказе И. Головина «Наяву или во сне»

«Вампирская» тема, вошедшая в русскую словесность под влиянием западной готической прозы, точно прослеживается в отечественных рассказах и повестях уже в XIX столетии (начиная с переосмысления одного эпизода хроники Саксона Грамматика В. Олином в рассказе «Вампир»). Стоит указать и на продолжающуюся традицию обращения к образу вампира в 30–40-е годы XIX века, а затем на усиленный интерес к «вампирской» теме в начале XX века в «страшных» рассказах писателей Серебряного века.

Предельно интересным является обращение к таким произведениям русской литературы обозначенного периода, в которых воплощаются как собственно фольклорные представления о сущности кровососущего мертвеца, так и отсылающие к западноевропейской традиции его изображения особенности, нашедшие свое яркое воплощение в произведениях отечественных новеллистов. Одним из таковых становится рассказ «Наяву или во сне» (1905, впервые опубл. в «Новом времени») прозаика И. Головина, точными сведениями о котором литературоведы не располагают (Красногубая гостья..., 2018, с. 198).

Примечательно, что «Наяву или во сне» имеет подзаголовок «Святочный рассказ», что со всей очевидностью отсылает к «Рождественским рассказам» Ч. Диккенса. Именно английский писатель в нескольких рождественских

историях («Рождественская песнь», «Колокола», «Сверчок за очагом» и др.) воплотил основные идейные константы этого жанра: обращение к философским вопросам ценности души, влияние детства на последующее становление и христианское «спасение» человека, впавшего в грех, всепрощение и обновление, тесная связь реального с представлениями потустороннего мира – привидениями, ангелами, духами и др. В рассказе И. Головина «Наяву или во сне» все эти особенности находят свое яркое воплощение: главный герой подвергается определенному испытанию со стороны сверхъестественной силы, но погибает, поскольку не возвышается нравственно, а раз за разом погружается в порок.

Обратим внимание, что фигура вампира в рассказе выступает в неявном качестве: в тексте «отсутствуют какие-либо объяснения фатального нападения девушки-вампира» (Красногубая гостья..., 2018, с. 198), а характерные признаки образа аккумулируются лишь частично. Например, читатель не видит картин прямого нападения мертвеца на человека, а смерть от предполагаемого укуса до конца не подтверждается ни врачом, ни следователем (Красногубая гостья..., 2018, с. 31, 42). Кроме того, наиболее классический по степени воплощения внешний вид вампира и после соблазнения жертвы остается привычным для человека, но никак не характеризуется бледностью или болезненностью (Красногубая гостья..., 2018, с. 40, 41).

Тем не менее, подобно другим вампирским рассказам (например, «Он» и «Киммерийская болезнь» А. Амфи-театрова), в рассказе «Наяву или во сне» случай связи человека с миром зла, приведшей к гибели героя, не происходит в настоящем времени, не разворачивается на глазах читателя здесь и сейчас, но характерен для недалекого прошлого. Основным способом знания о «былом» выступают дневниковые записи того, кто, скорее всего, не смог пережить «общения» с вампиром, но кому удалось оставить некое свидетельство о произошедшем.

Рассказчик, двоюродный брат Сергея Алчинского, получает письмо о скоростижной смерти своего тридцати четырехлетнего родственника и выезжает в Покатиловку, Тульскую усадьбу, на похороны. В ходе расследования обнаруживается дневник «Сережи», где и описываются ровно последние пять лет его жизни. Так, во время путешествия по Европе, на пути из Берлина во Флоренцию, Алчинский на несколько дней застревает в Мюнхене, где случайно встречает знакомых (Красногубая гостья..., 2018, с. 34). В Пинакотеке он вместе с приятелями натывается на целое общество дам, но среди них видит девушку, от всей стройной фигуры которой «лились точно какие-то лучи очарования, как от чудного цветка, готового раскрыться, чтобы разом вылить на солнечный свет скрытое в нем драгоценное благоухание» (Красногубая гостья..., 2018, с. 34). В курьерском поезде через время Алчинский встречает семью барона Северовича, чье имение находится на границах Тироля и Карпат (Красногубая гостья..., 2018, с. 36), и знакомится с его младшей дочерью, Магдой – девушкой, пригнувшейся ему в Мюнхене. Сойдя с поезда и не успев вернуться, молодые люди останавливаются в Боцене, где в гостинице Магда соблазняет юношу. Попытки найти Магду утром ни к чему не приводят, и Алчинский спустя время женится у себя на родине.

Отметим, что развитие сюжета в рассказе «Наяву или во сне» не отличается оригинальностью, по сравнению с произведениями европейской вампирской литературы, где напряжение сохраняется вплоть до конечной развязки и элемента «узнавания» вампира (например, в «Не будите мертвецов» Э. Раупаха или «Кармилле» Д. Ш. Ле Фаню). В этой связи представляется справедливым мнение о знакомстве И. Головина с классическими произведениями о кровососущих мертвецах, в частности с «Дракулой» Б. Стокера. Так, С. Шаргородский видит схожие положения в развитии сюжета: «загадочно исчезающий барон Северович и его спутницы близко напоминают стокеровского графа и его свиту» (Красногубая гостья..., 2018, с. 198, 199).

Не менее важным идейным основанием у И. Головина в развитии образа вампира-женщины является его соотнесенность с образом Кармиллы из одноименной повести ирландского писателя Д. Ш. Ле Фаню. Ключевым признаком поведения Магды и Кармиллы является притворное «незнание», обман как ведущая способность, благодаря использованию которой вампир добивается цели: соблазняет человека, не позволяя ему выйти из-под влияния inferнального начала. Так, в «Наяву или во сне» представлена следующая реакция Магды на «неожиданный» уход поезда: «Вот это хорошо, – захлопала она в ладоши, – никак не ожидала. <...> Вы словно боитесь чего-то? – посмотрела она на меня смеясь, соскочив с крыльца станции на маленькую площадку. – А вот мне совсем не страшно, забавно напротив. Мы с вами вдвоем до половины шестого утра, ведь это оригинально!» (Красногубая гостья..., 2018, с. 39). Сошлемся на текст «Кармиллы», где такая же способность проявляется у общества матери и ее дочери, которые как минимум дважды ввели в заблуждение вдовцов и их детей с просьбой дать приют Кармилле: «Поездка моя – это дело жизни или смерти, один час промедления все погубит. Кто знает, скоро ли мое дитя придет в себя и сможет продолжать путешествие. Придется покинуть ее; я не могу, не смею медлить» (Ле Фаню, 2023, с. 355). Или: «Моя дочь пока не успела полностью восстановить силы. Недавно она отправилась понаблюдать за охотой, ее лошадь упала, и бедная девочка еще не отправилась от шока. <...> А теперь меня призывают дела чрезвычайной важности, ехать придется безостановочно день и ночь; речь идет о жизни и смерти» (Ле Фаню, 2023, с. 419).

Представляется любопытным и обнаруженное нами сходство в трактовке образа вампира у И. Головина и Т. Готье. Описание центральной фигуры главной антигероини в рассказе «Любовь мертвой красавицы», умершей куртизанки Кларимонды, поразительно совпадает с описанием Магды, чей образ, несомненно, был создан под влиянием западноевропейского образца. При этом и священник Ромуальд, и Сергей Алчинский не просто влюбляются и полностью отдаются объекту своей любви, но готовы на все, чтобы быть рядом с ним. Оба мужчины видят в этих «женщинах» одновременно как ангельские, так и дьявольские черты. Именно данная особенность будет отличать восприятие кровососущего мертвеца от других художественных воплощений и интерпретаций.

Так, Ромуальд, и сам отличающийся двойственной «природой» своего бытия (днем – прилежный служитель Бога, по ночам – знаток женщин, любитель вин и богохульник (Мистические истории..., 2022, с. 71)),

также различает в Кларимонде противоречивые начала: будучи при жизни куртизанкой, Кларимонда после смерти представляется «как ангельское видение, чудесный образ» (Мистические истории..., 2022, с. 74). Алчинский же, подобно Ромуальду, в своем дневнике пишет о постоянно замечаемой им бинарности в характере и поведении Магды: «Да и она тоже, эта едва распустившаяся девушка, походила на такое озеро, прозрачное в тихую погоду, но готовое стать лукавым в своей злобе, как скоро набезит на него из-за угла страстное дыхание бури» (Красногубая гостья..., 2018, с. 35). Несмотря на ничем не подтвержденные опасения, Сергей продолжает ощущать исходящую от Магды угрозу, хотя ее внешний вид не позволяет быть в этом уверенным: «... и Магда тоже, вся облитая месяцем, казалась уже неземным существом, налетевшим откуда-то чистым ангелом или, кто знает, злым, хотя и обаятельным бесенком» (Красногубая гостья..., 2018, с. 39).

Важнейшим мотивом рассказа «Наяву или во сне» вслед за традиционным в вампирском литературном тексте продолжает оставаться мотив соблазнения. Герой не только попадает в ловко раскинутые кровопийцей сети, но и сам охотно идет на совершение «греха». Причем процесс соращения предельно «ирреален», воспринимается человеком как нечто, находящееся в воображении, почему впоследствии от этого момента остаются лишь смутные картины: «Но про что мы говорили тогда, я и вспомнить не могу. Знаю только, что наше дыхание сливалось, кончики ее волос щекотали мне шею и бессознательно жгучее желание овладевало мною все сильнее» (Красногубая гостья..., 2018, с. 41). Описание внешности вампира также наполнено эротической мотивикой: «И опустив длинные ресницы, она как-то разом упала на широкий диван, и сколько неги, сколько очарования было в позе ее гибкого стана, будто приглашавшей меня остаться. В следующий миг я был у ее ног, покрывая ее всю жадными поцелуями...» (Красногубая гостья..., 2018, с. 41).

Представленная в относительно неразвитом воплощении у Т. Готье идея о более тесной связи вампира и человека с точки зрения не только эротического, но и платонического начала у И. Головина приобретает более яркое звучание, несмотря на важное значение мотива соблазнения, о чем было сказано выше. Если в «Любви мертвой красавицы» Кларимонда выпивает кровь по необходимости, о чем прямо заявляет, лишь для поддержания жизни и продолжения пребывания рядом с любовником (Мистические истории..., 2022, с. 105), то Магда в своем стремлении идет дальше: она (заметим, вслед за Алчинским, но не впереди его воли) говорит, что теперь они «связаны на всю жизнь» (Красногубая гостья..., 2018, с. 41).

Нарушение заключенного «договора» между человеком и представителем инфернального мира ведет к смерти первого. Причем его не просто постигает кара за несоблюдение принятых им же самим условий (правда, подробно в тексте не описываемых); наказание не имеет отсрочки по времени (Алчинский умирает спустя пять лет после связи с Магдой, только когда женится на Сашеньке Горликовой, «пустой смазливой девчонке лет девятнадцати» (Красногубая гостья..., 2018, с. 31)), оно приводит к одному из самых ужасных концов человеческого пребывания на земле, о чем может свидетельствовать внешний вид трупа Алчинского: «Лицо Сережи было искажено до неузнаваемости. На этом всегда беззаботном лице ужас запечатлелся, ужас перед чем-то страшным, увиденным в последнее мгновение перед смертью; и смерть его согнать не могла» (Красногубая гостья..., 2018, с. 33). В этой связи образ вампира приобретает черты «наказующей руки Господа», посланника Его воли, проверяющего нравственную чистоту человека: Алчинский при жизни был балагуром, повесой, не имел способности откликаться на чужую беду (Красногубая гостья..., 2018, с. 30).

Специфика колористики рассказа «Наяву или во сне»

Примечательна цветовая гамма, используемая И. Головиным при построении образа женщины-вампира. В отличие от современников (Ф. Сологуба, С. Соломина и др.), для которых базовым спектром выступали черный и белый цвета, определяющие дихотомию отношений охотника (черный) и жертвы (белый) (Осьмухина, Миронов, 2025, с. 2334), И. Головин использует совершенно другую палитру.

Так, вампир, чья природа объяснена в рассказе не до конца, напрямую не выступает в качестве ожившего мертвеца, но в большей степени в качестве живого человека, через время, как было сказано ранее, приносящего наказание «обидчику». Именно поэтому базовыми для описания Магды цветами являются не черный и белый, а синий и зеленый, свойственные больше для существа живого, нежели мертвого.

Синий цвет у И. Головина характеризует, что представляется весьма интересным, не только, например, одежду Магды («Это была совсем еще молоденькая девушка, одетая в синее суконное платье, обвивавшее ее тонкий, упругий стан с какой-то особенно мягкой, изящной лаской» (Красногубая гостья..., 2018, с. 34)), но и черты ее лица, в частности глаза (Красногубая гостья..., 2018, с. 35, 36). Как отмечает М. Пастуро (2017, с. 71), в Средневековье синий был редким, но красивым и важным цветом, характеризующим Деву Марию. Однако в эпоху романтизма синий, а вместе с ним и голубой окружаются почти религиозным поклонением, наделяются поэтическими достоинствами, становятся цветами любви, меланхолии, мечты (Пастуро, 2017, с. 80). В этой связи можно считать использование синего цвета в описании внешнего вида Магды попыткой ее репрезентации как человека, имеющего с миром живых тесную связь, пытающуюся казаться «своей», ведь синий «не отталкивает, не возмущает, не шокирует», «не несет в себе заряд агрессивности или бунта» (Пастуро, 2017, с. 103).

Зеленый цвет в рассказе «Наяву или во сне» свойственен для уточнения полутонов глаз, зрачков вампира: «Из-под длинных черных ресниц вдруг вспыхнули синие зрачки, и опять в них зеленоватый блеск показался» (Красногубая гостья..., 2018, с. 36). Легко прослеживается здесь связь представленного описания с другой инфернальной фигурой, подтверждающей происхождение Магды, ее сущность с демоническим – змеем.

Как отмечает М. Пастуро, «в позднем Средневековье многие из зловредных тварей находятся в особых, тесных отношениях с зеленым цветом, в частности демоны (“имя им легион”), которые мучают людей,

вселяются в них, склоняют их к порокам и насилию» (2020, с. 64–65). Схожий функциональный «набор» наблюдается и у вампира: Магда совращает жертву, вводит ее в пространство порока, а затем обманывает и умерщвляет. Сравним описание сущности гадюки: «Особенно опасна самка. Совокупление смертельно для самца: чтобы оплодотворить свою подругу, он должен положить голову ей в пасть; но после того как он извергнет семя, она откусывает ему голову» (Пастуро, 2020, с. 65). Таким образом, представляется, что зеленый цвет выступает в рассказе символом обмана и лицемерия вампира.

Заключение

Таким образом, анализ рассказа И. Головина «Наяву или во сне» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, равно как и у предшественников (А. Толстого, И. Тургенева) репрезентация «вампирической» темы в новелле И. Головина осуществляется посредством детального изображения главного антагониста – вампира, являющегося женщиной-соблазнительницей, искусительницей, обладающей физической притягательностью, коварно вводящей героя в сети обмана и лжи, а после выпивающей его кровь и/или убивающей мужчину за неспособность сопротивления злу.

Во-вторых, в колористике рассказа важную роль получают не распространенные черный и белый, но синий и зеленые цвета. Если синий цвет ассоциируется с жизнью, воспринимается как цвет Девы Марии, окружася поклонением, то зеленый становится характерен для персонажа неживого, перешедшего грань жизни и смерти. Зеленый цвет вступает с синим в антагонистические отношения, формирует оппозиции живой – мертвый, человеческий – inferнальный, настоящий – обманчивый.

Перспектива изучения «вампирической» темы и шире – готической проблематики – видится нам в качестве конкретизации ее специфики в отечественной прозе Серебряного века, выявлении дальнейшего пути формирования образа вампира в современной русской литературе.

Материалы исследования | Research materials

1. Красногубая гостья: Русская вампирическая проза XIX – первой половины XX в.: в 2 т. / сост., предисл. И комм. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2018. Т. 2.
2. Ле Фаню Д. Ш. Кармила / пер. Л. Бриловой, Е. Токаревой, Н. Калошиной. М.: АСТ, 2023.
3. Мистические истории: Любовь мертвой красавицы / пер. С. Антонова, В. Ахтырской, Л. Бриловой и др. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022.

Источники | References

1. Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: сборник / пер. и комм. С. Антонова. СПб., 2007.
2. Бережной С. Те, которые всегда возвращаются (Краткий очерк истории киновампиризма) // Звездная дорога. 2002. № 9; № 10/11.
3. Бон Т. М. Ходячие покойники в жизни восточных славян: “Magia posthuma” в Древней Руси и вампиризм в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. 2020. № 4 (51). <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2020-4-64-77>
4. Вдовин А. Монстры у порога. Дракула, Франкенштейн, Вий и другие литературные чудовища. М., 2024.
5. Долгих Ю. А. Вампир как персонаж русской фантастической литературы начала XIX века // Летняя школа по русской литературе. 2012. Т. 8. № 1.
6. Замыслова А. А., Егорова А. С. Эволюция образа вампира в произведениях художественной литературы // Форум молодых ученых. 2022. № 6 (70).
7. Ковальская А. С. Генезис образа вампира в европейской прозе // Science Time. 2021. № 9 (93).
8. Миронов Н. М. Образ вампира в современном женском фэнтези // Актуальные проблемы филологии и журналистики: сборник научных трудов. Саранск, 2024.
9. Морозова Ф. Русский вампир в поле пола. Эволюция жанра // Библиотечное дело. 2013. № 18 (204).
10. Никольский Е. В. Образы вампиров в повестях В. И. Даля и А. К. Толстого в контексте европейского романтизма // Studia Humanitatis. 2016. № 1.
11. Одесский М. П. Вампиры в ранней прозе А. К. Толстого. Опыт построения сюжетной топикки // Вопросы литературы. 2010. № 6.
12. Одесский М. П. Явление вампира // Стокер Б. Дракула. М., 2015.
13. Осьмухина О. Ю. Ремифологизация сюжета о вампирах в романах В. Пелевина “Empire “V”” и «Бэтман Аполло» // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полюхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2016.
14. Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М. Образ вампира в русской новеллистике начала XX века («Красногубая гостья» Ф. Сологуба и «Вампир» С. Соломина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20250327>

15. Павлова А. В. Деформация представлений о вампиризме в русской литературе XIX в. (на примере произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. К. Толстого) // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь, 2018.
16. Пастуро М. Зеленый. История цвета. Изд-е 2-е / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: НЛО, 2020.
17. Пастуро М. Синий. История цвета. Изд-е 2-е / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: НЛО, 2017.
18. Площук А. Н. Тема вампиризма в сборнике П. Мериме «Гюэла» и в цикле А. С. Пушкина «Песни западных славян» // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5.
19. Рябов В. Русская фольклорная демонология. От оборотней и мертвецов до русалок и огненного змея. М., 2024.
20. Сазонова З. Н. Тема вампиризма в современном русском фэнтези: происхождение и своеобразие // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1-2.
21. Сафрон Е. А. А. К. Толстой как основоположник образа вампира в русской литературе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2 (79).
22. Танасейчук А. Б. Русский «страшный рассказ» первой половины XX века // Чёртова невеста: русский хоррор начала XX века со страниц старых журналов / вступ. ст., вступ. и примеч. А. Б. Танасейчука. М.: РИПОЛ классик, 2024.
23. Фрейлинг К. Вампиры. Происхождение и воскрешение. От фольклора до графа Дракулы. М., 2024.
24. Цымбурский В. Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд // Стокер Б. Вампир (Граф Дракула). Кишинев, 1990.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

EN The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-18-00764, <https://rscf.ru/project/25-18-00764/>; Russian Christian Academy for Humanities named after F. M. Dostoevsky.

Информация об авторах | Author information

RU **Миронов Никита Михайлович¹**
¹ Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург;
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск

EN **Nikita Mikhailovich Mironov¹**
¹ Russian Christian Academy for Humanities named after F. M. Dostoevsky, St. Petersburg;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ nikitamironov428@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.10.2025; опубликовано online (published online): 11.11.2025.

Ключевые слова (keywords): русская новеллистика Серебряного века; образ вампира в русской новеллистике; эротическая мотивика; колористика рассказа И. Головина; смертная образность; Russian short stories of the Silver Age; vampire image in Russian short stories; erotic motif; color imagery in I. Golovin's story; mortal imagery.